

УДК 908(471.4)+20
ББК 26.89(2Р-4Волг)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПЕЩЕРНИЧЕСТВА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ВОЛГИ И ДОНА

Ю.В. Полева

В статье рассматриваются причины активного развития пещерокопательства и пещерного затвора среди девиантных религиозных групп Нижнего Поволжья и области Войска Донского. Определены формы религиозного опыта, лежащие в основе пещерничества в православных и иноконфессиональных группах; установлены социальные и религиозные факторы, влияющие на воспроизводство пещерного подвижничества. Выявлены компенсаторные интеграционные и деструктивные влияния пещерничества на православные и сектантские общины, а также влияние пещерных затворников на лиц, переживающих кризисные состояния. Обосновано, что пещерничество является мощным преобразовательным элементом в духовной жизни, влияющим на основные компоненты мировоззрения и нормы поведения верующей личности.

Ключевые слова: пещерное подвижничество, пещерокопание, пещерный затвор, старообрядчество, секты, девиация, православие, религиозные гонения.

В Нижнем Поволжье и Подонье в XVII – начале XX в. функционировала значительная группа подземных культовых сооружений. Известны искусственные пещерные комплексы при православных монастырях, кельи отшельников. Специфика пещерничества здесь – это активное использование подземных полостей гонимыми конфессиями. К XX в. известно – 31 пещера старообрядцев, 21 сектантов, 26 православных пещер. Остается открытым вопрос о роли пещерного подвижничества в религиозной жизни населения. Почему оно оказалось устойчивым к политическим и религиозным преследованиям в XVIII–XIX вв.; почему в начале XX в., когда наблюдался массовый отход народа от церкви [13, л. 25], пещерничество вновь актуализируется, особенно в сектантстве?

Сегодня в обществе возросли потребности в удовлетворении духовных запросов. Это способствует возрождению пещерничества в донских пещерных монастырях: Костомаров-

ском, Усть-Медведицком и др. Возникают новые подземные сооружения. В конце XX в. в г. Волжском устроен подземный храм Иоанна Крестителя. В урочище Подгорском Волгоградской области пещерный скит возрождается старообрядцами. Распространяется пещерничество в сектантстве. В ноябре 2007 г. приняли подземный затвор 29 сектантов в с. Никольское Пензенской области. Такие религиозные девиации требуют глубокого осмысления. В истории известны примеры суицидов сектантов в пещерах. Пещерничество имеет не только религиозное значение, но и социальное, это возобновляющаяся традиционная коммуникативная система, по которой циркулирует религиозно интерпретированная информация, служащая для интеграции значимой группы людей. Но факторы воспроизводства и причины девиаций в пещерничестве не вполне изучены.

Условия формирования феномена пещерничества в Нижнем Подонье и Поволжье оказались связаны с двумя основными аспектами освоения этого региона русским населением. Во-первых, в XVII в. территории Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья неоднократно страдали от набегов [11, с. 5], одной из

форм жилищ казаков были землянки-шиши [3, с. 54]. Они обеспечивали скрытность жилища. В XVII в. появляются оборонительные подземные сооружения близ казачьих городков Глазуновского Арчадинского [21, с. 38–40], Сиротинского [17, с. 113] и Качалинского.

Вторым фактором, определившим специфику складывания традиции пещерного подвижничества в этом регионе, стал церковный раскол. К 1674 г., спустя 8 лет после собора, осудившего старообрядчество как ересь, на Волге, на Черемшане уже есть беглые священники, не принявшие реформ Никона и осуществлявшие монашеский постриг старообрядцев [15, с. 274]. С этого времени здесь складывается традиция пещерничества [9, с. 6]. На Нижний Чир по приглашению донских казаков пришел известный пещерный подвижник Иов Львовский [14, с. 48] (Старообрядческая пустынь с пещерными кельями, основанная им, существовала вплоть до 30-х гг. XX века.) Среди предводителей восстания казаков-старообрядцев на Дону в 1686–1688 гг. находились «два старца из пещер с Волги» [5, с. 140]. Для политики государства и церкви в это время характерно отношение к пещерничеству как традиционной форме монашеской аскезы. Преследуется раскол, а не пещерокопательство. Ситуация меняется в 1721 г., когда был учрежден Святейший правительствующий синод. Меняется отношение власти к индивидуальным формам аскезы: запрещены затворничество, столпничество и прочие суровые формы подвижничества, которые могли усилить авторитет личности подвижника. Но подвижники по-прежнему продолжали пользоваться особым почтением у населения. На протяжении XVIII–XIX вв. отношение власти к пещерничеству в целом оставалась последовательным – это подавление всех мистических или необычно суровых проявлений индивидуальной религиозной практики и почитания местных аскетов. Усиление религиозного преследования дало обратный результат: староверы подвергли сомнению легитимность не только духовной, но и светской власти. Подземное убежище противопоставляется остальному миру, обреченному Антихристу. Во многих толках старообрядчества проповедуется уход в пропасти земные, в вертепы, в пещеры. Вероучение этого толка

утверждает, что в мире земном нет спасения от власти Антихриста, что «для избежания его подобает укрыться в вертепах и дебрях или вовсе прекратить жизнь во имя Христа» [2, с. 33]. Идея «ухода в пещеры и пропасти...» являлась признанием власти Антихриста над миром, отрицанием законности существующей духовной, светской власти. Эта идея развивается и в последующие периоды разными сектами: «голубешниками», странниками и подпольниками.

С 1827 г. переход в старообрядчество стал уголовным преступлением. Разгром Иргизских скитов привел к выделению различных беспоповских толков, среди которых тоже распространяется пещерничество. Скрытность становится одним из распространенных атрибутов подземных культовых сооружений. Подземные сооружения, создаваемые различными толками старообрядчества, выполняли важную функцию сохранения этих конфессиональных групп. Число подземных культовых сооружений увеличивается к XIX веку. Если в XVIII в. в Саратовской епархии известно о четырех старообрядческих и трех православных пещерах, то в XIX в. уже известно 18 старообрядческих подземных культовых сооружений (ПКС) различных толков и 9 сектантских пещер. В области Войска Донского в XVIII в. известны 9 старообрядческих и 3 православных пещеры, а в XIX в. обнаружены сведения о 9 старообрядческих, 8 православных и 10 сектантских ПКС. При этом в XIX в. пещерничество часто развивается в усадьбах крестьян среди подпольников. Под жилыми помещениями часто устраиваются кельи и молельни среди беглопоповцев и беспоповцев. При этом гонимость является как бы подтверждением избранности адептов этих толков старообрядчества.

Семантическая нагрузка подземного пространства как «антипространства» проявлялась не только в понимании пещеры как убежища, но и как основы для формирования новой общности, антагонистической принципам существующей легитимной политической структуры. Член секты «подземельников» видел в имперской власти и институтах церкви орудия или воплощение Антихриста, целью которых является физическая и духовная гибель людей: от распространения эпидемий до введения «сатанинских знаков», лишаящих надежды на спасение всех подчинившихся.

Преследования светской власти воспринимается как своеобразный знаменатель эсхатологических ожиданий для сектантов – ужесточение гонений предвещает не только гибель мира, но и определяет посмертную участь смирившихся с «антихристовым царством». В результате возобновляется практика добровольной смерти в радикальных сектах (душиловцы, скрытники, подпольники). Примеры массовых самоубийств в пещерах известны в с. Костенки Воронежской губернии [20, с. 22] или д. Копены Саратовской губернии [10, с. 514]. Пещера, как сакрально выделенное пространство, воспринимается сектантами в качестве своеобразного перехода для «избранных» к Царству Божьему, с этой точки зрения практика добровольной ритуальной смерти в глазах сектантов уже не являлась простым самоубийством. В некоторых случаях удавалось зафиксировать, что сектанты, принявшие решение о ритуальном самоубийстве, замурававшись под землей, находились в экстатическом состоянии. Крестьянин, собственноручно выкопавший в подвале камеру, в которой замуравал свою жену с ребенком, так описывал свое состояние: «Ее слова так подействовали на меня... что мысль о предстоящих мучениях меня не терзала... При мысли о такой смерти мне казалось, что я точно собираюсь в рай. Словом, Виталия как-будто околдовала меня. Так точно она подействовала на некоторых других» [6, с. 23]. Это явление в среде сектантов получило название «красная смерть». Существование этого обряда среди странников и подпольников в свое время вызывало частые дискуссии. Сами странники-статейники прямо отрицали существование этого обряда в секте [4, с. 372]. Однако странничество распалось на несколько направлений. Секта подпольников-подземельников рассматривалась православными миссионерами как радикальное крыло странничества [13, с. 25], на основании сходства структуры сект странников и подпольников. В этой секте также как и у бегунов-странников существовали странноприимцы и старцы-перекрещенцы, обитающие в подпольях [19, с. 631]. Специфика секты подпольников-подземельников – это выделение подземного пространства как священной зоны, доступной только для подпольников-перекре-

щенцев. Общинники, входящие в секту, но не прошедшие второе крещение, вели светский образ жизни, сосуществуя с этим сакрально выделенным пространством внутри общины и даже внутри собственного дома: «Но так как горы и вертепы открыты для глаз полиции, то вожаки подпольников имеют в селах странноприимцев, которые делают для них в земле пещеры с тайными входами и выходами, и обязаны питать и греть их, а они за них Богу молятся» [18, с. 786]. Странноприимники, надеясь на спасение, полученное через причастность к уходу и заботе о «бегунах» и «подпольниках», поддерживают коммуникативную связь подземельников с остальным светским миром, пока сами не смогут получить второе крещение.

Перекрещенцы признавались свободными от греха и «антихристовой» власти, они ограничивались в возможности покинуть свою подземную келью: «Большую важность они приписывают подземному житию. Так если которое дитя или даже взрослый не уживется в подземелье и бежит оттуда в мир, таковому, полагают, уже нет более покаяния. “Погибе таковой от Бога и от человек”» [19, с. 661]. Суровые обеты, которые накладывают на себя сектанты, прошедшие новое крещение, должны подчеркнуть отделение новокрещенного от остальной религиозной общины, приобретение им статуса «живого мертвеца», к которому неприменимы законы посюстороннего мира, напротив, попытка его вернуться к нормам обыденной жизни будет рассматриваться как кощунство.

Эта категория перекрещенцев не просто пользовалась особым авторитетом. Их выделенность внутри религиозной общины была связана с их переходным витальным статусом. Они не просто не принадлежали этому миру, их функции и поведение подчеркивали принадлежность потустороннему миру. Подполье как место пребывания такого «живого мертвеца» выполняло свою ритуальную функцию в обряде «красной смерти». В Костромской губернии рассматривалось несколько дел о сектантах в связи с применением обычая «красной смерти». Мужу, приехавшему навещать заболевшую жену, супруга сообщила, что ее уже отчитали, скоро «красная смерть» придет: «Мужик залез на печь в угол и стал

ждать... Через четверть часа является из подполья молодой человек с красной подушкой, навалился на больную и начинает ее душить. Муж соскочил с печи. Парень видит – дело плохо, схватил подушку и отправился назад, туда же...» [7, с. 72]. То есть ритуал выполнялся только человеком, который, отрекшись от этого мира, принадлежит миру иному. Перед ним стояла цель: через ритуал «красной смерти» очистить от грехов сектанта, находящегося в переходном состоянии (смертельно больного), тем самым обеспечить спасение его души. Через обряд крещения, наречения нового имени, сектант отторгался от общинной структуры и попадал в структуру, скажем, антивитальную, замкнутую. Ритуал «красной смерти» должен был означать новое духовное рождение сектанта. Странноприимцы и сам подземельник образовывали временную подсистему. Пещера являлась местом, где экзистенциальный статус человека-подземельника менялся через контакт с сакральным. Через этот контакт, сопровождавшийся состояниями измененного сознания [16, с. 527], преодолевалась личная ущербность, преобразовывалась картина мира путем непосредственного контакта ущербной личности с высшим инореальным миром. При этом целевая установка религиозного опыта пещерника концентрировалась за пределами воспроизводящего цикла общества. Взаимодействие через «святого» пещерника со сферой сакрального способствовало верующему преодолеть чувство бессилия по отношению к источнику такого кризиса – действительности, недоступной для целенаправленного регулирования. Вмешательство подпольника в жизнь религиозной общины носило императивный характер. Он представлялся проводником воли свыше. Такой «религиозный виртуоз» оказывался особенно востребован в условиях как личного, так и социального кризиса как религиозный лидер.

Обряд «красной смерти» мог иметь разные варианты. Соответствующие аналоги также встречались в Воронежском Подонье, например в с. Костенки [20, с. 20], где известно самосожжение сектантов в пещере. Печально известна деревня Копены Аткарского уезда Саратовской губернии, где неоднократно сектанты совершали суициды в пещере. По-

мимо попытки массового сожжения сектантов в пещере в 1802 г. [12] известно, что крестьянин Александр Петров отрубил головы 35 человекам с целью «произведения их в мученики» [8, с. 44]. Самоубийство, в глазах сектантов, – это единственный выход из антагонистического противостояния между легитимными церковными и светскими институтами и альтернативными религиозными структурами сектантов.

Известны локальные варианты подобного обряда среди сектантов-подпольников в с. Синенькие Саратовской губернии. В отличие от рассмотренного выше варианта, он подразумевал коллективное участие в обряде «красной смерти». «Гарантированный» благополучный переход сектанта в Царствие Небесное осуществляется посредством иного аналога подземного пространства, чем пещера, – гроба. В «Саратовских епархиальных ведомостях» был описан один из таких обрядов: «Делают гроб, наколачивают внутри его гвоздей и в такой гроб кладут человека, находящегося при смерти, забивают наглухо, начинают гроб катать по земле до тех пор, пока заключенный не испустит дух, а затем к гробу привязывают тяжесть и опускают в Волгу. При катании гроба припевают: “Пошла душа в рай, право слово, пошла в рай. Ей-Богу пошла в рай. Умереть такой смертью для раскольника хорошо – будешь истинный мученик перед Богом”» [18, с. 787]. В этом тексте также прослеживается переходное состояние человека, над которым совершается обряд. Это – умирающий. Особенность обряда заключается в том, что «проводником», гарантирующим спасение вновь преставившегося, выступает не старец, прошедший «второе крещение», а вербальный императив, троекратно утверждающий спасение души, как свершившийся акт: «Пошла душа в рай, право слово, пошла в рай. Ей-Богу пошла в рай». Изуверство как форма социально-религиозного протеста проявлялась довольно широко. Развитие таких сект демонстрировало кризис существующей рациональной бюрократической или церковной системы.

Таким образом, несмотря на различия и формы обряда, семантика его остается неизменной. Информация о подобных обрядах довольно широко циркулировала вне религи-

озных общин, которым приписывалось подобное явление, но это, как ни странно, не препятствовало стабильному существованию и даже их росту. Это можно объяснить родственными связями между сектантами разных населенных пунктов, что прослеживается на материале хуторов юрта Нагавской станицы. Хотя сами перекрещенцы декларировали разрыв семейных и остальных связей, соединявших их с общиной: «Скрывшиеся в подполье родственные связи отрицают и между собой называются брат и сестра, а пред внешними “рабы Божии”. Паспорты иметь считают грехом. Деньги в руки не берут. Браков у подпольников нет» [18, с. 787]. Это внутреннее противостояние социальным нормам связано с идеей о воплощении Антихриста в существующих институтах власти и церкви, и является формой отказа от признания действующих норм. Подземный затвор весьма удачно отражал это противостояние. Т.Б. Щепанская также отмечала, что пещера по отношению к поселению являлась неструктурированным пространством, противоположным оседлому, то есть свободным от мирских норм, как моральных, так и социальных [22, с. 317].

Секты, практикующие «очистительные смерти», могли воспроизводиться только в том случае, если образовавшиеся «вакансии» заполнялись новыми адептами. Это возможно в ситуации, когда противостояние между сектой («своими») и миром («чужими») становилось частью общего целеполагающего ритуала. Власти своими преследованиями сектантов выполняли ожидаемую от них роль Антихриста и «обеспечивали» стабильное воспроизводство таких религиозных общин вплоть до начала XX века. В 1905 г. был принят закон о свободе вероисповедания. После прекращения религиозного давления растерянность охватила многие секты и толки старообрядчества, из них начался отток молодежи. Этот факт в 1905–1907 гг. зафиксировали епархиальные отчеты, как Донской, так и Саратовской епархии. Культурные ценности, нормы и связи в этот период становятся как никогда противоречивыми. Но религиозные преследования сменились политическими. Пещерники-еноховцы проповедовали, что воплощение пророков Илии и Еноха

сошло на землю и что теперь царствует не законный государь, а антихрист.

В.А. Агарков сообщает в своих мемуарах, что волна эсхатологических ожиданий охватила еноховцев, при организации в с. Заплавное колхоза Лидер заплавненских еноховцев М. Шашков призвал сектантов замуроваться в пещерах. Автор сообщает, что большинство ходов заплавненского «Нового Сиона» были обрушены самими сектантами [1, с. 425].

Жесткая последовательная политика преследования сектантов и гонение на пещерокопательство имели под собой вполне вескую основу. Сакрализация подземного пространства со стороны простого народа определялась сложным комплексом как христианских, так и более архаичных традиций. Пещера как вид сакрального пространства религиозным путем регулировала разнообразные кризисные ситуации. Ее религиозное и психологическое воздействие закреплялось широко распространенными общехристианскими преданиями. В ситуации обострения социальных конфликтов возрастали эсхатологические ожидания. При наличии таких «благоприятных» условий пещерное подвижничество вовлекало все более широкие человеческие ресурсы. Поскольку власти оценивали новых пещерокопателей и их пещеры как возможный рассадник суеверий, мошенничества, место укрывательства уголовных элементов, а самое главное, как опасный политически нелояльный элемент, а для религиозной народной среды любая почитаемая пещера имела особое мистическое значение, заключавшееся в ее способности сакральным образом регулировать кризисные ситуации разного характера. В сектантстве наибольшее значение приобретает харизма пещерокопателя, его «чудотворные способности», знаки «богоизбранности» и противопоставление «оскверненного земного мира» «спасительным» пещерам. Мистическое, оргиастическое, экстатическое переживание пещерников уводило от повседневности, поэтому религиозные переживания в состоянии измененного сознания представлялись священными, удовлетворяли духовные запросы сектантских общин.

Социальный контроль над пещерничеством в преследуемых группах оказывался

более жестким, чем над рядовыми членами. Пещерников-сектантов чаще всего изолировали в ссылке или тюрьме, либо «обособляли» их в монастырях. В то время как к самой «иноконфессиональной группе» часто применялись средства более мягкой «реабилитации», например, собеседования с миссионерами. Этот жесткий характер преследования пещерничества объясняется интеграционной ролью пещерников в старообрядческих общинах.

Следовательно, многообразие функций пещерничества связано, с одной стороны, с традиционным религиозным авторитетом аскетов-пещерников в традиционном обществе, с другой стороны, при проявлении кризисных черт рациональной системы, просыпались архаичные формы религиозного регулирования ситуации через воссоздание контакта со священным. Пещерный затвор воспринимался как способ установления контакта с сакральным и получения новых норм или способов преодоления кризиса. Политическое преследование радикальных сект провоцировало развитие антагонистических отношений между преследователями и гонимыми и создавало условия для сохранения девиантных религиозных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарков, В. А. Трудное детство. Мемуары. Рукопись / В. А. Агарков // Фонд музея с. Заплавное Волгоградской области. – 1988. – 525 л.
2. Артемьев, А. И. Краткая записка о современном положении раскола в Саратовской губернии / А. И. Артемьев // РНБ. Отдел рукописей. – Ф. 37. – 1855. – 26 сент. – № 273. – 68 л.
3. Броневский, В. История Донского войска / В. Броневский. – Ч. 1. – СПб., 1834. – 511 с.
4. Вопрос о душительстве у бегунов // Миссионерское обозрение. – 1900. – Июль – авг. – С. 352–382.
5. Дружинин, В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века / В. Г. Дружинин. – СПб., 1889. – 348 с.
6. Записка министра юстиции о заживо погребенных сектантах в Терновских плавнях близ г. Тирасполя // РГИА. – Ф. 797. – Оп. 67. – 2 отдние. – 3 стол. – № 169.
7. Из страннической жизни // Миссионерское обозрение. – 1900. – Июль – авг. – С. 60–72.
8. Леопольдов, А. Ф. О расколе по Саратовской губернии / А. Ф. Леопольдов // Тр. СУАК. – Саратов, 1903. – Вып. 23. – С. 37–159.
9. Мизякин, Л. Т. Черемшан / Л. Т. Мизякин. – Саратов, 1909. – 76 с.
10. Мордовцев, Д. Л. Исторические Прописи : в 2 т. / Д. Л. Мордовцев. – СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1873. – 514 с.
11. Никольский, П. В. Успенский Дивногорский монастырь / П. В. Никольский. – Воронеж : Воронежский церковный археологический комитет, 1904. – 49 с.
12. О крестьянах с. Копен Саратовской губернии, впавших в ересь и пытавшихся сжечься в каменной пещере // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 83. – № 721. – 26 л.
13. Отчет Саратовской епархии за 1909 г. // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2353.
14. Повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чудес исповедание преподобнаго отца нашего игумена и строителя Иова, иже многия святые обители создаваша своими боговдохновенными труды, наипаче же пречестные Лавры святаго великомученика Димитрия Солуньскаго чудотворца во пределех града Рыльска, на Семи реце на горах Льговских создаваша, в посте просияваша // Журнал Родина. – 1990. – № 9. – С. 48–55.
15. Распросные речи раскольников, пойманных на р. Телязук 15–16 апреля 1689 г. // Дополнения к Актам историческим. – СПб., 1872. – Т. XII. – С. 274.
16. Полева, Ю. В. Религиозный опыт пещерничества как субъективный аспект культа пещер в Нижнем Поволжье и Подонье / Ю. В. Полева // Человек в современных философских концепциях : Четвертая междунар. науч. конф. : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Н. В. Омельченко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 525–529.
17. Савельев, Е. П. Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – М. : Вече, 2004.
18. Св. П. Т-ъ. Раскол на нагорной стороне Волги // Саратовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 18. – С. 786–788.
19. Секта странников в Нагавской станице Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. – 1898. – № 23–26. – С. 631–680.
20. Степкин, В. В. История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола / В. В. Степкин // Культовые пещеры среднего Дона : сб. науч. ст. / Русское общество спелеологических исследований ; отв. ред. М. Ю. Сохин. – М., 2004. – Вып. 4. – С. 18–29.
21. Сухоруков, В. Д. Краткое известие о бывшем на Дону г. Черкасске / В. Д. Сухоруков // Северный архив. – 1823. – № 20. – С. 38–40.
22. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков / Т. Б. Щепанская. – М. : Индик, 2003.

**CONFESSIONAL DIFFERENCES IN CAVING
OF THE VOLGA-DON INTERFLUVE**

Yu. V. Poleva

The author analyses the causes of cave digging and cave seclusion fast development among the deviant religious groups in the Lower Volga and the Don Battalion Regions. The paper specifies the forms of religious beliefs that underlie cave digging in the Orthodox and non-Orthodox confession groups as including social and religious factors affecting cave digging propagation; the influence of cave diggers on the individuals who undergo crisis period; the compensatory integration and destructive effects of cave seclusion on the Orthodox and sect communities. Cave hermitage is a powerful transformational element in the spiritual life that affects the main components of the world outlook and behavior standards of believers.

Key words: *cave hermitage, cave digging, cave seclusion, Old Belief, sect, deviation, Orthodox Church Belief, confessional persecution.*